

Виталий Каплан
В ДВА ХОДА

Виталий Каплан

В два хода

«Автор»

1997

Каплан В. М.

В два хода / В. М. Каплан — «Автор», 1997

Мистический рассказ, написанный в 1997 году. О том, что люди могут искренне желать положить жизнь свою «за други своя», не догадываясь, что эти их светлые побуждения используются тёмными силами. Но, попав в такую ловушку, можно впасть в отчаяние и духовно погибнуть, а можно сохранить и голову, и душу. Даже если вернуться в человеческий мир уже нельзя... Текст представлен в авторской редакции.

© Каплан В. М., 1997

© Автор, 1997

Виталий Каплан

В два хода

И даже рюкзака не пришлось складывать. В это путешествие идут налегке. Главное – перешагнуть порог, а там уже легче. Там, дальше, все случится само собой, а как – знать мне необязательно. Так, во всяком случае, говорил Сутулый. Ну что ж, он, конечно, специалист, а я... Все мне казалось, что собираюсь в обычный поход, в тройку какую-нибудь или четверку, и к июлю вернусь. И пока заверял в нотариальной конторе бумаги, и пока раздавал долги, и пока писал письма маме и сестре, не покидало меня смутное чувство, будто маюсь дурыю, будто разыгрался как семилетний пацан, пал жертвой бредовых своих фантазий.

Давить такие подсознательные взбрыки я, слава Богу, научился уже давно. Дурь не дурь, бред не бред, а это единственный шанс. Иначе белый с розовыми прожилками мрамор могильной плиты, застывшее лицо Димкиной мамы, утонувший в ледяной пустоте взгляд его отца – все это так и останется, уродливым шрамом перечеркнет нашу доселе, в общем-то, спокойную жизнь.

Он выбросился из окна новостройки, на улице Соколова. С десятого этажа. Дом так и зияет неотделанной белизной, щерится горами строительного мусора, но пройдет каких-нибудь полгода – и въедут истосковавшиеся по своим квадратным метрам жильцы. Кто из них вспомнит о буром пятне под окнами? Да и не будет никакого пятна, уже и сейчас нет – замыли. А ведь не прошло и двух недель. Остались раздавленные бедой, враз постаревшие люди, пыльная электрогитара в углу и еще записка. Нервные, угловатые буквы, которым, казалось, тесно на бумажной плоскости. «Простите меня, мама и папа, я ухожу, но иначе я не смог. Иначе бы я предал человека. Никто в этом не виноват, просто так вышло.»

Сейчас он писал бы выпускное сочинение. Хотя нет, сочинение у них позже, сегодня девятые классы сдают алгебру. Заштриховал бы он промежутки, на которых возрастает квадратный трехчлен, обвел бы фигурной скобкой столпившиеся в систему уравнения.

А через пару недель мы пошли бы на Мраморное Озеро. Долго я уламывал директрису нашего ДТМа. Розалии Степановне все время кажется, что байдарка – это что-то типа плавающего гроба, и дети еще маленькие, и инструктор (то есть я) слишком независим, и средств нет, и в случае чего груз юридической ответственности, утопив меня, потащит на дно и ее, многострадальную труженицу педагогического тыла. Или фронта – смотря откуда глянуть. Мы работаем с ней бок о бок почти десять лет, еще с тех времен, когда назывались никаким не ДТМом, а обычным городским дворцом пионеров, и слова «Дом творчества молодежи» привели бы тогда Розалию в ужас. Что это еще за молодежь? Внесоюзная, что ли? И какое там творчество? Соответствует ли последним программным документам?

Ветер перемен сильно остудил Степановну, но туробязнь в ней ничуть не ослабла. Каждый серьезный поход до сих пор приходится то чуть ли не на коленях выпрашивать, то кулаками директорский стол сотрясать. Смотря по обстоятельствам.

Ну что ж, мой бывший ученик, а теперь уже и коллега Витя Мохнаткин вполне справится и без меня. Двадцать лет парню, в походах со щенячьего возраста, инструкторский опыт весьма приличный. Для Мраморного Озера вполне сойдет. Вот, правда, сплавиться по Медвежьей я бы его одного с детьми не пустил. Годика через два – посмотрим.

Жаль только, смотреть придется не мне.

На пути к вокзалу никто мне не встретился. Город словно вымер, и что тому виной – нахлынувшая ли еще с прошлой пятницы жара, очередной ли мексиканский сериал – меня как-то не трогало. Безлюдность даже к лучшему. А то пришлось бы кивать знакомым, перебрасываться пустыми фразами, отвечать на вопросы типа: «Александр Михайлович, вы на вокзал? Встречаете кого?»

Город у нас не сказать чтобы такой уж мелкий, но все-таки знакомых много, да и я в районе человек известный, за десять лет кто только не прошел через наш турклуб. Мои первые, с кем начинал, скоро уже свой молодняк приведут. В свои тридцать четыре я иногда ощущал себя чем-то вроде мудрого дедушки – пока самому не делалось смешно.

Ладно, дедушки на то и существуют, дабы освобождать дорогу молодым. Витя Мохнаткин справится. Он даже с Розалией справится, не то что с шебутными моими ребятишками.

Как знать, может, и Димка через несколько лет получит инструктора. Мальчишка он способный, хотя порой излишне горяч. Ну ничего, время остудит.

Точно уже не остудило, точно урна с прахом под мраморной плитой – это не все, что осталось от белобрысого, тощего как жердина Димки Лозинцева.

А впереди разливался стынущей лавой закат. Солнце уже утянулось за кривой, иззубренный крышами горизонт, но еще поблескивали, отражаясь в оконных стеклах, оранжевые огоньки – точно брызги апельсинового сока.

Если уж уходить, то именно так – в разметавшееся на полнеба рыжее пламя, в теплый прозрачный воздух. Пока еще светло, и есть еще решимость. Как, впрочем, и время, чтобы вернуться – туда, в однокомнатную мою квартирку, к пропахшему лесным дымом походному хозяйству, к желтобрюхой гитаре на стене, к самодельным полкам с такими родными для меня книгами. С теми, что учили не предавать и не поворачивать на дороге. Интересно, смог бы я их потом открыть?

Да, надо поторапливаться. Сутулый сказал – быть на платформе не позднее половины одиннадцатого. А мне еще, между прочим, шагать и шагать. Хотя пехом все равно быстрее, чем ждать автобуса, который к тому же петляет через весь город.

Но вот и вокзал – грязная бетонная коробка, огромный, точно скелет бронтозавра, железнодорожный мост, скопище закрытых по вечернему времени ларьков. И высоко вознесенный циферблат, тонкие стальные стрелки показывают четверть одиннадцатого, все в порядке, успеваю.

Не торопясь я вышел на платформу. Здесь тоже было не слишком людно, ожидалась минут через двадцать электричка до Заозерска, но день-то будний, да и время позднее, кто поедет? Дремали на заплыванной скамейке двое привалившихся друг к другу алкашей, они вроде уже приплыли куда надо, хлопотала над необъятной корзиной какая-то деревенского вида бабка, хмурый юноша в искрящейся кожаной куртке лениво изучал расписание, кучковались в дальнем конце платформы какие-то неприметные особи. Взырошенный голубь бродил у меня под ногами и выискивал в асфальтовых трещинах крошки, доносилась из-за глухих заборов унылая собачья перебранка. Последний привет.

Сутулый говорил – вам ничего не надо делать, Саша. Только прийти и стоять на платформе, лучше в центре. Все случится само собой, незаметно для вас. И главное, безболезненно. Почему-то он особо упирал на этот пункт, хотя что для меня сейчас значила боль?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.